

Т.М. Димони

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕРЕВЕНСКИХ ДЕТЕЙ РОССИИ В 1917–1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕДОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ)

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00184
«Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги».*

Исследуются мировоззренческие установки, формируемые посредством новой идеологии у сельских детей в первое десятилетие советской власти. Основным источником анализа послужили материалы педологических обследований второй половины 1920-х гг. Вывод состоит в том, что поколение детей, родившееся в 1910–1917 гг., к середине 1920-х гг. приобрело новые ценностные установки, однако сохранило основные крестьянские архетипы в сознании. В качестве основы своего мировосприятия сельские дети провозглашали идеалы «земли и воли». Этот сплав мировоззренческих установок и стал фундаментом взглядов советского человека 1930–1940-х гг.

Ключевые слова: Россия; советский период; село; детская психология; мировоззрение; педологические обследования; трансформация.

Период 1917–1920-х гг. в Советской России был временем масштабной попытки моделирования «нового» человека, соответствовавшего основным характеристикам гражданина советского общества. В общем виде основными чертами «нового» человека должны были стать: классовое сознание, непримиримость к «старому, буржуазному» обществу, политическая активность, участие в самоуправлении обществом, демократизм (стремление к национальному и гендерному равноправию), стремление к образованию, атеизм и др. [1–7]

Основная роль в процессе создания «новой» личности, по мысли лидеров большевистского правительства, принадлежала образованию. Особая роль отводилась школе, которая практически сразу после революции 1917 г. подверглась масштабному реформированию на новых принципах. 30 сентября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет утвердил Положение о единой трудовой школе РСФСР, которое устанавливало порядок школьной работы. Единая трудовая школа разделялась на две ступени: 1-я ступень для детей 8–12 лет включительно, 2-я ступень для детей от 12 до 17 лет [8].

Занятия в школе течение учебного года распределялись следующим образом: обычные школьные занятия с 1 сентября по 1 июня; школьные занятия под открытым небом с 1 июня по 1 июля (в форме экскурсий для знакомства детей с природой и жизнью и пр.); полные каникулы (свободное от занятий время) с 1 июля по 1 сентября, с 23 декабря по 7 января и с 1 по 14 апреля [9].

Важнейшим стимулом личностного развития для сельских детей становилось посещение школы, получение образования. Тяга к знаниям формировалась у крестьян еще со второй половины XIX в. По данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. грамотные крестьяне составляли 17% всего сельского населения России. Среди населения в возрасте 10–19 лет грамотных было 29,1%. Уровень грамотности заметно вырос уже в начале XX в. В среднем по 12 губерниям Европейской России (Центральная и Северо-Западная часть) за период 1908–1913 гг. грамот-

ных было 24–25% общей численности сельского населения, причем по отдельным губерниям этот показатель колебался от 14,8% (Пензенская) до 41,7% (Московская) [10. С. 285–295]. Сельское население в вопросе образования сталкивалось с дилеммой возможности реального применения своих знаний. В заданной клубком противоречий российской социально-экономической системе конца XIX – начала XX вв. грамотный крестьянин был скорее обузой своему хозяйству, чем его преимуществом [11].

Ситуация с отношением к необходимости получения образования серьезно меняется к концу 1920-х гг. Стремительно модернизирующаяся экономика России требовала большого количества рабочих рук, уход же из деревни в город без получения минимальных знаний по письму и счету представлялся для крестьян мало возможным. Поэтому посещение школы и взрослыми (ликбез), и детьми, кроме четкой позиции государства, уже не противоречило рациональному крестьянскому смыслу.

По переписи населения 1926 г. в России (тогда – РСФСР) доля грамотных в возрастах от 16 до 50 лет составляла 58% всего населения, в 1930 г. – 67% [12. С. 506]. Статистика показывает нарастание количества школ и учеников в них. Так, в России в 1927/28 учебном году школы 1-й ступени посещали более 5 млн человек, в 1928/29 учебном году – более 6 млн, в 1929/30 году – более 7 млн, в 1930/31 учебном году – 9 млн 600 тыс. человек [12. С. 506].

Именно через школу и обучение в ней в Советской России происходило формирование социальных идеалов детей в плане лояльности к новому государственному строю и новой идеологии. Уже в 1919 г. в России был создан Государственный ученый совет (ГУС), который руководил разработкой обязательных учебных программ для школы. Программами ГУСа ставилась задача «пронизать» все содержание учебно-воспитательной работы школы идеями революционного преобразования мира.

В 1923/24 учебном году Наркомпросом СССР были изданы обязательные учебные программы для школ. 1917–1920-е гг. были временем экспериментов,

в том числе и в образовании. Поэтому особенностью школьных программ было то, что учебный материал не распределялся по отдельным предметам. Весь объем знаний, подлежащий изучению в школе, был дан в виде единого комплекса сведений о природе, труде и человеческом обществе [13].

Рассмотрим, как строилось обучение и общественно-политическое воспитание в школах, используя одну из школьных программ 1925–1926 гг. – программу Северо-Двинской губернии, располагавшейся на Европейском Севере России. В начале программы сообщается, что методическое бюро Северо-Двинского губернского отдела народного образования (губоно) поставило задачу «наполнить программы... местным содержанием..., облечь программный скелет живой плотью краеведческого материала». Школу методическое бюро назвало «эхом жизни местного населения» [14. С. 5]. Вот как, согласно данной программе, были организованы занятия в первые месяцы обучения в школе (сентябрь–декабрь школы 1-й ступени, первый год обучения). Сначала дети познакомились, рассказывали о себе, о семье, о занятиях летом, об игрушках. При этом попутно считали (например, членов семьи), рисовали, учили стихи. Затем все вместе ходили в лес, наблюдали за деревьями, собирали листья и шишки. Отдельным блоком шли беседы учителя о погоде, о болезнях, о гигиене. Все это совмещалось со счетом и письмом. Далее следовали беседы об уборке урожая, об огороде, о гумне и т.д. И вот, наконец, к ноябрю дети доходили до темы «Октябрьская революция». В процессе освоения данной темы учителю рекомендовалось провести с детьми беседу о том, «как изменилось положение крестьян в последнее время (в качестве исходного момента рекомендовалось использовать наиболее ощутительные в данном районе выгоды революции: переход от «владельцев» земли, особенно луговой, исчезновение полоников, изменение порядков в волости, новшества в культурно-просветительной работе в деревне и т.п.)». Затем учитель должен был дать понятие о рабоче-крестьянской власти, рассказать, когда она была установлена, сколько лет назад, в каком месяце. Все ученики должны были поразмышлять, почему революция называется Октябрьской. Далее планировались рассказы детей о том, что они слышали о революции от старших (особенно старых солдат и красноармейцев). В ходе обсуждения дети должны были решить праздновать 7 и 8 ноября, украсить школу лесным материалом, разучить стихотворения и песни. Также дети должны были приготовить плакат с именем Ленина, «эмблему СССР» (серп и молот), научиться строиться для парада. Примерно в том же ключе шла работа над еще двумя политическими темами – подготовкой к 21 января (день смерти В.И. Ленина) и к 1 мая (День международной солидарности трудящихся). Таким образом, в течение каждого триместра дети имели одно ключевое политическое событие, вокруг которого разворачивалась большая политическая, образовательная и воспитательная работа.

Закономерно встает вопрос, как же можно было замерить результаты изменений в формировании идеалов и личности школьников? Неоценимую работу в

этом направлении вела большая группа ученых педагогического и психологического профиля. Они работали в русле науки, которая называлась педологией.

Педология – направление в педагогике, ставившее своей целью применить объединенные подходы различных наук к методике развития ребенка. Считается, что у истоков педологии стояли американские исследователи начала XX в. (Г.С. Холл, Дж. Боолдуин, Э. Мейман и др.). Примерно на это же время приходится начало педологических исследований в России. Особенный подъем педологии как научная дисциплина и общественное движение пережила в СССР при поддержке правительства большевиков после революции 1917 г., в 1920-е гг. педология находилась на пике своей популярности. В школах активно внедрялось психологическое тестирование и анкетирование, в стране были созданы педологические институты. Однако к началу 1930-х гг. педологические методы стали вызывать много нареканий у власти. Ученых-педологов критиковали за «классово-неверное» ранжирование учащихся, когда в составе одаренных детей оказывалось мало представителей крестьян и рабочих. Все это привело к сворачиванию педологического эксперимента. В 1936 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса», которое фактически ликвидировало педологию как самостоятельную научную дисциплину [15].

Тем не менее за треть века активной работы российских педологи сделали очень много для изучения образования, обучения, детства, детских коллективов, провели психолого-педагогические замеры по разным параметрам, которые сегодня особенно интересны историкам. Российская педология вырастила целую плеяду блестящих исследователей. Среди них В.Н. Шульгин, Н.А. Рыбников, М.С. Бернштейн, А.М. Гельмонт, С.М. Ривес и др. Благодаря массово проведенным педологическим опросам и их выводам современные историки могут судить об изменениях в сознании детей, происходящих под влиянием социально-политических и экономических перемен. Методика проведения данных обследований в течение первой трети XX в. менялась мало, что дает нам преимущество в возможности провести сравнение данных обследований на длительном хронологическом отрезке.

В качестве исходного уровня замеров и сравнений избран довоенный 1913 г. Вот, например, как описаны общественные идеалы в детских ответах на вопросы учителя начальной земской сельской школы Рязанской губернии Голицына. Детей спрашивали, кем они планируют стать, когда вырастут; на кого они хотят быть похожими; что они любят читать, кого считают хорошим человеком и т.д. Основная часть учеников ответила, что в будущем они планируют стать земледельцем. Среди идеалов дети в абсолютном большинстве назвали учителя, несколько человек назвали отца и родителей, также были ответы про Петра Великого, Александра I, князя Святослава, офицера, старшину, и просто «на умного и хорошего». Читательские интересы детей сосредоточились на сказках, рассказах о животных, рассказах о войне, книгах по земледелию.

Среди любимых книжных героев были названы Илья Муромец и Ермак. И, наконец, на вопрос «Кого я считаю хорошим человеком» основная часть учеников ответили об учителе, кроме того называли священника, студента, родных и соседей [16]. Таким образом, дореволюционное состояние социальных идеалов сельских детей соответствовало крестьянскому мировосприятию и мирознанию. Кругозор детей был невелик, они были сосредоточены на мире своей деревни, на семье, основном семейном занятии – земледельческом труде. Довольно большое место в детских идеалах занимал учитель, что тоже довольно типично – у крестьян сложилось уважение к «грамотеям». В то же время присутствовало среди идеалов типичное для «наивно-манархических» настроений крестьянства уважение к царствующим особам и даже к древнерусским князьям.

Материалы педологических обследований 1920-х гг. позволяют представить эволюцию социально-экономических представлений и политических идеалов деревенского школьника. Описание обследований идеологических представлений деревенского школьника конца 1920-х гг. представлено целым рядом публикаций [17, 18, 19]. Обследования проводились очень массово. Так, в педологическом анкетировании конца 1920-х гг. приняли участие 120 тыс. ребят, которые дали 1,5 млн ответов на вопросы [19]. Исследованию были подвергнуты учащиеся школ первой и второй ступени следующих областей и губерний: Астраханской области, Дальневосточной ССР, Дагестанской ССР, Северо-Кавказского края, Костромской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Псковской, Саратовской, Самарской областей, Сибирского края, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уральской областей, Украинской ССР, Чувашской ССР и Ярославской области [20. С. 20]. В обследовании участвовали как городские, так и деревенские школьники (около 66% городских и 34% деревенских). Опрошенные деревенские дети были жителями довольно крупных селений. Основную часть опрошенных составляли школьники первой ступени [20. С. 20]. По типу обследования это были письменные ответы детей на вопросы о событиях реальной действительности. Опросы были разными по тематике. Например, при выяснении политических предпочтений ребенка задавались следующие вопросы: об отношении к Октябрьской революции, об отношении к советской власти, к советскому строительству, об отношениях между СССР и другими странами, об отношениях в семье, отношении к труду, к школе, отношениях рабочих и крестьян, отношении к религии [17. С. 12].

Количество анкет деревенских детей, полученных в ходе обследования 1927 г. по теме «Советская власть и крестьянство в представлениях детей», составило 6 085 единиц. Около 2/3 опрошенных детей были горожанами (3 966 чел.) и 1/3 – деревенскими детьми (2 079 чел.) [21. С. 95].

Говоря о степени открытости деревенских детей, педологи отметили, что деревенский школьник давал более «обильную» речевую реакцию при ответах на вопросы. Если городской школьник давал в среднем

1,6 ответов на каждый вопрос, то деревенский ребенок – 2,2. Исследователи объяснили это степенью близости вопросов детям определенной социально-бытовой среды, т.е. деревенский ребенок был более неравнодушен к происшедшему вокруг него [21. С. 97].

По итогам обработки анкет педологи выявили значимые пункты социально-политического портрета деревенского школьника. В частности, Н.А. Рыбников сделал вывод, что крестьянский ребенок достаточно умело ориентируется в явлениях политического характера, испытывает к этим вопросам большой («жгучий») интерес.

В качестве главного критерия уровня политического сознания педологами использовались, конечно, рассуждения об Октябрьской революции – отправной точке новой советской истории. Однако тут же исследователи отметили, что ребятам не хватало исторической перспективы в знаниях, понимания движущих сил революции. Деревенские дети нередко не разделяли Октябрьскую и Февральскую революции, считали, что Октябрьская революция свергла царизм. В качестве основных причин революции ребята чаще всего называли классовый гнет, в качестве недочета Н.А. Рыбников указал, что очень немногие в этом качестве назвали роль большевистской партии [19. С. 60].

Спецификой мировоззрения деревенского ребенка, как отметил Н.А. Рыбников, была большая роль экономических сюжетов в ответах на вопросы анкеты [22. С. 57]. В основном эти рассуждения были получены при ответах на вопрос: «Лучше ли живется крестьянам при Советской власти». Об этом же писал в анализе детских ответов М.С. Бернштейн. Он отметил, что при изучении деревенских детей «мы имеем ...дело с специфическим окладом ума и направленностью интересов крестьянских детей, которые, может быть, вообще склонены чаще обращать свое внимание на явления экономического порядка». Кроме того, М.С. Бернштейн подметил в ответах крестьянских детей интересную деталь: «крестьянские дети действительно думают, что экономические завоевания рабочих больше, значительней, многочисленней, чем экономические завоевания крестьян» [22. С. 33]. По мнению этого исследователя, здесь имело место восприятие деревенскими школьниками длительности рабочего дня у пролетариев – не более 8 часов в день [22. С. 29]. В сравнении с длиной дня работы крестьян в весенне-осенний период, особенно в «страду», 8-часовой рабочий день, выглядел действительно намного короче, что и породило «зависть» сельских подростков.

Условно педологи выделили четыре главных темы ответов крестьянских детей по вопросу об отношении к советской власти. На первом месте среди ответов были рассуждения о земле (типичные высказывания были таковы: «раньше земля была помещиков, а теперь – крестьянская», «дала крестьянам право и власть над землей», «он является хозяином земли», «они сами управляют землей») [21. С. 101–102]. Всего «о земле» как главном результате деятельности советской власти в деревне ответили 54% опрошенных детей [22. С. 59]. Даже самые маленькие

дети 8–10 лет говорили о земле, как главном факте деятельности советской власти в деревне. Чем старше был возраст ребенка, дававшего пояснения по вопросу, тем более углубленный подход в рассуждениях о земле они демонстрировали [21. С. 105–106]. Постановка темы «земля» в центр интересов крестьянского ребенка в целом вполне объяснима. Земля была не только главным фактором производства в деревне, она была главным богатством общества аграрного типа, основной мечтой крестьянина, надеющегося построить на базе уравнительного землепользования справедливое общество. Однако детское знание не учитывало главного – земля не была передана крестьянам, она принадлежала государству. В 1920-е гг. во время «общинного возрождения» в российской деревне, это было не так заметно, особенности жизни на государственной земле колхозники в полную силу ощутили в 1930-е гг. Педологи также отметили буквальное понимание детьми (по их ответам) того, что касается завоевания крестьянами земли. Специальные тестовые обследования, проведенные педологами Научно-педагогического института методов школьной работы, подтвердили, что подавляющее число детей действительно думает, что земля в СССР находится в собственности крестьян. Немалое значение в выработке этого представления, по их мнению, сыграли лозунги, выдвинутые коммунистической партией перед Октябрем: «земля – крестьянам», «фабрики и заводы – рабочим» [22. С. 27].

Продолжая рассуждения о роли советской власти в деревне, деревенские ребята довольно часто упоминали как результат ее деятельности улучшение сельского хозяйства («Советская власть старается поднять сельское хозяйство»), «Советская власть предоставила в руки крестьян все возможности улучшить свое хозяйство», «Старается не разорять, а поддержать их хозяйство» [21. С. 109]. Об этом в ответах на вопрос о роли советской власти в деревне сказали 20% деревенских детей [19. С. 59]. Чем старше были дети, тем чаще они об этом говорили, как и о налоговой политике советской власти. По вопросу о налогах дети наиболее часто использовали сравнение со «старым временем»: «Раньше налоги задавили», «Прежде они были замучены разными податями, а теперь есть небольшой налог», «Советская власть не дерет с них такие подати, как раньше», «Раньше с крестьян налог брали натурой, а теперь деньгами», «Раньше натурой брали: приезжали и целыми возами увозили, уводили скот», «Не берет выкупных платежей за землю, а только небольшой налог», «У нас берется государственный налог, а остатки они могут продать», «Советская власть отменила подушные налоги», «При советской власти крестьяне платят лишь единый сельхозналог» [21. С. 117]. Как видим, дети обнаруживали довольно высокий уровень осведомленности в хозяйственных делах. Вместе с тем можно заметить, что в ответах не содержалось четких указаний на время, когда крестьянам в налоговом отношении «жилось хуже», возможно, часть этих ответов относилась к периоду до 1921 г., т.е. к тому времени, пока не был введен нэп.

Еще одна категория ответов крестьянских детей отмечала «значение и пользу для крестьян экономической политики советской власти в области товарообмена (города и деревни)» [21. С. 101]. Дети описывали формы, в которых «смычка» осуществлялась: «Все стало дешевле». «Стало дешево все покупать», «В лавках цены уменьшили, а увеличили на предметы роскоши и увеличили цены на хлеб. Это тоже хорошо для крестьян» [21. С. 119]. Самое яркое выражение мотив «смычка» находил в высказываниях, подчеркивающих момент *обмена* между городом и деревней: «Деревня с городом делает смычку и меняется товарами, крестьянин дает хлеб, а рабочий – трактор». «Хлеб меняют на орудия производства», «Потому, что имеет смычку города и деревни, из города они получают все орудия, а туда возят хлеб» [21. С. 120]. В целом в высказываниях детей педологи не заметили мотивов враждебности деревни в отношении города.

В то же время деревенские дети высказали пожелания экономического характера, которые также были зафиксированы в исследованиях педологов. Анализируя эти высказывания, Н.А. Рыбников отметил, что ребята указывали на желательность снижения цен на товары (около 8% опрошенных крестьянских детей), необходимость снизить налог на крестьян (7%), улучшить условия жизни (1%), повысить цены на продукты сельского хозяйства (около 2%), освободить от платы за учебу (1%). Говорили ребята и о проблемах в области сельского хозяйства – они предлагали уничтожить «трехполку» (2%), улучшить сельское хозяйство (1%) [19. С. 57].

Довольно большой пласт ответов детей характеризовал изменения в политическом и правовом положении крестьян в связи с утверждением советской власти. Всего по этому вопросу дали пояснения около 3,7% опрошенных крестьянских детей [19. С. 59]. Педологи отметили, что в детских высказываниях, мотивирующих улучшение положения крестьян *политическими* моментами, звучали три основных мотива: 1) свобода (воля); 2) право (разные политические права и привилегии); 3) власть.

Рассмотрение конкретного содержания этих ответов принесло некоторые неожиданности для ученых. Во-первых, они определили, что около 40% всех обследованных детей города и деревни считали одним из главных завоеваний Октября «освобождение, которое он с собой принес для широчайших народных масс». Причем эта свобода понималась детьми по-разному. Около 20% городских и деревенских детей говорили о *свободе вообще, воспринимали это явление как общенародное*, общечеловеческое освобождение от какого-то абстрактного ига, гнета, угнетения: «советская власть дала свободу», «советская власть принесла освобождение», «советская власть дала волю», «советская власть освободила весь народ» [22. С. 57].

Деревенские дети отвечали, что крестьяне «стали вольными» не расшифровывая при этом, в каком смысле эта воля понимается: «Лучше потому, что он (крестьянин) сейчас волен», «Потому, что мы вольны», «Советская власть дала полную волю», «Дала крестьянам волю и свободу», «Потому, что вольная

жизнь» [21. С. 121]. Педологи подчеркнули: дети довольно ясно дают понять, что, по их мнению, советская власть уничтожила крепостное право. Таким образом, понятие «воля» означало у крестьянских детей освобождение от крепостничества. Даже у многих детей старшего возраста и у пионеров, подчеркивали ученые, присутствовало представление, что советская власть «освободила от крепостного права». Это обстоятельство встревожило исследователей. Данным воззрением крестьянского ребенка они нашли объяснение: «поскольку отмена крепостного права касалась преимущественно крестьянского населения, то вполне естественно, что деревенской школе чаще и больше приходится останавливаться на этом историческом факте». Но «двойная» ошибка – путаница двух событий Октябрьской революции 1917 г. и отмены крепостного права 1861 г., уравнивание их между собой позволила педологам констатировать «непонимание классового характера этих событий», так как «недопустимо смешивать так называемую отмену крепостного права с великим освободительным Октябрем, но и неправильно выдавать исторический акт 1861 года за действительное освобождение крестьян, так как он не столько освободил крестьян от их рабских оков, сколько освободил их... от земли» [22. С. 59–60]. Педологи дали совет поработать над методическими рекомендациями для учителей для преподавания событий 1861 г. и событий Октябрьской революции 1917 г. Педологи отметили, что, прибавив к этому ту долю детей, которые путаются в характеристиках Февральской и Октябрьской революций, придется признать, что школе нужно немало поработать, чтобы выправить представления ребят или чтобы дать им правильную «пролетарски-коммунистическую установку» [22. С. 59–60].

В ответах на вопрос о политических правах и свободах выяснилось, что крестьянские дети и о них рассуждают в категориях «свободы» («воли»): «При царе не было свободы, а теперь – свободные права», «Советская власть дала им свободное право» [21. С. 123]. Особенно важным для крестьян дети называли полученное право участвовать в различных выборных органах – общественных и государственных. Это право находило свое конкретное выражение в форме *права голосования*. «Крестьяне – имеют везде голос». «Крестьяне имеют голос на съездах, на выборах» [21. С. 123]. Очень понравилось исследователям высказыванием одного из детей: «Теперь стало *новоправие*». Детские высказывания категории «право», в особенности та часть высказываний, в которых говорилось об избирательном праве и об участии крестьян в общественно-политической жизни страны, близко призывали к высказываниям категории «власть». Исследователи уловили некий «переход» от понятия «право» к понятию «власть»: «Он может пройти в ЦИК (т.е. имеет право быть избранным в ЦИК) и стоять у власти» [21. С. 126]. Однако, по мнению педологов, и в этом вопросе своего «классового места» в новом обществе крестьянские дети не улавливали, так как «игнорируется и затушевывается *пролетарский, рабочий* характер советской власти». Некоторые дети,

например, прямо говорили, «Вся власть в крестьянских руках» [21. С. 127].

Среди проанализированных педологами трех категорий *политико-правовых* мотивов ответов детей (свобода, право и власть) первая занимала самое значительное место (2 305 детей – 38% всех обследованных). По удельному весу ответов категория «свобода» (или «воля») занимала второе место после категории «земля». Таким образом, извечные крестьянские мотивы «земля» и «воля» являлись преобладающими в детских суждениях конца 1920-х гг. о положении крестьян при советской власти. Наличие мотивов «земля» и «воля» в *одном* высказывании, по наблюдениям педологов, также встречалось чаще, чем другие сочетания разных мотивов – как самостоятельно (только «воля»), так и в дополнение к категории «земля» («земля и воля»), и вообще во всевозможных сочетаниях с разными другими мотивами момент «воли» встречался у деревенских детей чаще, чем у городских [21. С. 128–29].

Оценки в отношении культурного развития села деревенские дети давали гораздо реже, чем оценки политических последствий советской власти. Всего лишь 1% деревенских детей останавливалось на трактовке изменений в бытовом и культурном устройстве деревни [21. С. 134]. В отношении такого распределения ответов педологи поясняли, что быт – явление довольно «консервативное, тугоподвижное, поддающееся изменению с чрезвычайной трудностью и крайней длительностью». Они подчеркнули, что экономические достижения и политические завоевания Октября сказались с первых же лет революции, получив реальные и доступные даже для детского понимания формы, а явления нового быта внедрялись в жизнь, особенно в жизнь крестьянского населения, крайне медленно [21. С. 134]. В отношении бытовых моментов дети давали оценки одежды и питания («Они одетые и обутые – дети и сами», «Теперь стали лучше одеваться и кормиться», «Живет лучше и ест лучше», «В некоторых деревнях столовка»), жилища («Теперь не живут в таких плохих помещениях, как раньше жили», «Крестьяне расселились в барских домах», «Стали иметь хорошие помещения», «Построили дома, хотя не больше, а светлее»). Деревенские дети, конечно, довольно специфично, в понимании городского сообщества, описывали улучшения жилища. Например, значительным улучшением им казалось то, что в жилых помещениях не держат больше скот: «У них есть чистые избы и для скота отдельные» [21. С. 135].

В отношении религии педологи обнаружили ослабление ее влияния. Почти половина деревенских ребят причисляла себя к атеистам, причем мальчики гораздо чаще, чем девочки (60% мальчиков, 41% девочек). В более старших возрастах «безбожников» было выявлено особенно много – среди 16-летних детей – 88% [20. С. 59].

Таким образом, экономические и социально-политические представления деревенского ребенка о советской власти конца 1920-х гг. состояли из последовательных характеристик экономики, политики и быта.

Особенно же ярко, по мнению педологов, сказывались изменения социального облика ребенка, произошедшие после революции 1917 г., на детских идеалах. Каждая эпоха, – писал Н.А. Рыбников, – имеет свои идеалы, меняющиеся в зависимости от свойств эпохи, качеств носителей идеалов, своеобразия того класса, представители которого говорят о своих идеалах. Основные же качества крестьянского типа – практичность, реализм, бедность фантазии – сказываются на качестве идеалов крестьянского ребенка [20. С. 63].

Педологи выяснили, что, как правило, деревенский ребенок и до революции и после нее выбирал идеалы из своего окружения. В 1913 г. таких деревенских детей было 55%, в 1928 г. – 46%. Чаще всего крестьянские дети в 1928 г. в качестве идеала указывали знакомых (20,9%), местных деятелей (20,3%), родных (7,2%). Из родных наиболее часто указывались отец и мать. Рассуждая о том, почему родные реже, чем остальные категории, становились идеалом деревенского ребенка, Н.А. Рыбников отмечал, что их трудовая деятельность и бытовая жизнь протекает на глазах у ребенка, он довольно быстро включается во все трудовые операции и овладевает ими. Все это приводит к отсутствию стимулов называть идеалом для подражания родных. Поэтому деревенский ребенок чаще других называл идеалом для подражания деревенского учителя (около 11%). Также в этом аспекте дети упоминали доктора (2%), агронома (2%), портниху (1%), сапожника (1%) и др. [20. С. 64–65]. Ответы деревенских детей, по мнению Н.А. Рыбникова, показывали узость их кругозора. Однако появление среди идеалов учителя, доктора, агронома свидетельствовало и о желании повысить уровень образования.

Более старшие дети среди своих идеалов нередко называли деятелей всесоюзного уровня. При этом, как отметил Н.А. Рыбников, довольно редко звучали имена из прошлого России (Пушкин, Ломоносов, Толстой, царь и др., как это было при обследовании 1913 г.). В 1928 г. ребята называли в качестве идеалов имена: Ленин (23,6%), Калинин (1,2%), Рыков (0,9%), Крупская (0,8%), Ворошилов (0,7%), Пушкин (0,7%), К. Маркс (0,7%), Луначарский (0,5%). Кроме этого, в 1928 г. среди идеалов назывались Степан Разин, М. Фрунзе, Менделеев, Р. Люксембург, Зиновьев, Дуглас Фербенкс, Красин, Надсон, Гарри Пиль, Мэри Пикфорд, Клара Цеткин и др. Ни один ребенок не назвал в качестве идеала «царя» [20. С. 64–65].

Приведем примеры ответов на вопросы анкеты педологов, сохранившиеся в семейном архиве учительницы деревни Слобода Грязовецкого района Вологодской области. Эта деревня была довольно населенная, расположена около небольшого районного города Грязовец на дороге из Вологды в Москву (шоссе, рядом проходит железная дорога). Это было довольно экономически и культурно развитое село. Педологи в конце 1920-х гг. задавали детям деревни Слобода примерно следующие вопросы: «Кем хочешь стать? На кого хочешь быть похожей и почему? Что хочешь иметь и почему? Чем хочешь заниматься сейчас? Какая работа тебе нравится?».

Девочка, 11 лет, середнячка.

«Я жалаю быть в будущем учительницей, потому что хочу быть учительницей. Я жалаю быть похожа на русских людей, а потому что эти люди скромные, красивые Я хочу иметь больше обуви, а потому что надо обувь на ноги, а босиком ходить не будешь. Я жалаю больше читать про Ленина, потому что он был вождь и учитель рабочих и крестьян всего мира. Мне работа дравится такая писать потому что я хочу быть ученый».

Мальчик, 11 лет, крестьянин, середняк

«Я жалаю быть агрономом. Я жалаю быть похож на тов. Калинина, потому что он красивый. Мне больше всего хочется иметь денег потому что на них можно что угодно купить. Я все больше люблю читать про зверей, потому что как они живут и их ловят. Мне всего лучше делать по хозяйству, косить»

Девочка, крестьянка, середнячка

Я хочу быть прикащицей потому что выучусь. На шурина Александра потому что он хороший рабочий. Я хочу иметь больше всего денег потому что на них много кое чего купиши. Мне больше всего ндравится читать о Ленине потому что о нем много кое чего пишут. Я люблю работу мести круг дома потому что когда тепло очень хорошо мести. Я бы нашла денег понесла бы домой и на эти бы деньги поехала в город там бы купила платье и пальто [23].

Продолжая рассуждения о новых идеалах крестьянских детей, педологи отмечали, что в них особенно ярко отражена современность. При этом чем старше становился ребенок, тем шире был его кругозор, что выражалось в лучшем знании исторических и литературных героев. Однако политические деятели явно перевешивали литературные идеалы в мировосприятии школьников села.

В рассуждениях о будущей профессии деревенские школьники, как правило, склонялись к профессиям, связанным с физическим ручным трудом. При этом, как в 1913 г., так и в 1928 г., дети мечтали о смене сельскохозяйственной работы на другую. Наибольшее количество детей называли профессию учителя (39%). Девочки чаще других называли профессию портнихи (24%), мальчики – сапожника (7,4%). Назывались также такие профессии, как бондарь, слесарь, агроном, врач, вагоновожатый, машинист, кузнец, колбасник, шофер и др. [19. С. 67].

Богатейший материал, собранный и проанализированный педологами первой трети XX в., позволяет нам увидеть глубину социальной трансформации деревенских детей, бывших одним из центральных объектов социальных преобразований. Основную роль в построении их мировоззрения играла, конечно, школа и учителя, последовательно проводившие разработанную Советским государством идеологическую линию. Уже в конце 1920-х гг., дети, в основном родившиеся до революции 1917 г. или вскоре после нее (1912–1920 годов рождения), твердо усвоили идеологические положения о преимуществах советской власти, ее экономических и политических завоеваниях, идеалах и символах. В то же время исследования педологов позволяют сделать

вывод о сохранении основных крестьянских архетипов в сознании деревенских детей конца 1920-х гг. – в качестве основы своего мировосприятия они, как и сотни лет назад, провозглашали «землю и волю». Этот причудливый сплав, бывший основой мировоззрения советского человека довоенного периода (подавляющая часть населения страны проживала в деревне, была крестьянами, позднее – колхозниками),

и стал фундаментом феномена «советского человека». Можно с уверенностью сказать, что Советское государство в 1917–1920-е гг. сделало важнейшие и необходимые для новой власти шаги по подготовке «нового человека» к грядущим боям, ближайшим из которых была Великая Отечественная война, где военное поколение как раз и составили школьники 1920-х гг. с их новыми советскими идеалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа ВКП (б) 1919 г. // Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М. : Госполитиздат, 1959.
2. Гольцман А. Реорганизация человека. М., 1924. 52 с.
3. Гастев А. Новая культурная установка. М., 1923. 48 с.
4. Керженцев П.М. К новой культуре. Петербург, 1921. 91 с.
5. Крупская Н.К. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. 254 с.
6. Луначарский А.В. Задачи просвещения в системе советского строительства. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М., 1925. 47 с.
7. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 год. М., 2002. 415 с.
8. Устав единой трудовой школы // Известия ВЦИК (Москва). 1923. № 296. 28 февраля.
9. Декрет ВЦИК о Единой трудовой школе РСФСР // Известия ВЦИК (Москва). 1918. № 225. 16 октября.
10. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956. 352 с.
11. Гумп Э. Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губерния 1885–1897 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (19–20 вв.). М., 1996. С. 306–320.
12. Народное хозяйство СССР : стат. справочник. М. ; Л., 1932. 670 с.
13. Ракунов В.А. Государственная политика в сфере школьного образования в 1920–30-х годах // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 1 (январь–февраль).
14. Новые программы 1, 2, 3 и 4 годов обучения школ I ступени. Великий Устюг, 1925. 126 с.
15. Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» // Правда. 1936. 5 июля.
16. Голицын. Результаты анкеты о детских идеалах учеников второй группы начальной земской сельской школы Рязанской губернии // Вестник Рязанского губернского земства. 1913. № 7–8.
17. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника / под ред. В.Н. Шульгина. М., 1928. 191 с.
18. Рыбников Н.А. Идеология советского школьника // Педология. 1928. № 1.
19. Рыбников Н.А. Крестьянский ребенок. Очерки по педологии крестьянского ребенка. М., 1930. 109 с.
20. Рыбников Н.А. Наша работа по изучению идеологии современного школьника // Дети и Октябрьская революция. М., 1928. С. 9–18.
21. Гельмонт А.М. Советская власть и крестьянство в представлениях детей // Дети и Октябрьская революция. М., 1928. С. 93–137.
22. Бернштейн С.М. Что дала советская власть рабочему классу // Дети и Октябрьская революция. М., 1928. С. 18–92.
23. Личный архив Ряжевой Н.А., учительницы Слободской школы Грязовецкого района Вологодской области. Сохранены орфография и пунктуация источника.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2018 г.

Transformation of Sociopolitical Views of Rural Children of Russia in 1917–1920s (Based on the Materials of Pedological Surveys)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 106–113.

DOI: 10.17223/15617793/443/14

Tatiana M. Dimoni, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: Dimonitm@yandex.ru

Keywords: Russia; Soviet period; village; children’s psychology; ideology; pedological surveys; social transformation.

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-09-00184 “Social Revolution in Soviet Russia: Prerequisites, Stages, Results”)

The article deals with the study of peasant children’s world view that was formed under the influence of the new ideology in the first decade of the Soviet Union. The source of the analysis is the data of a pedological survey conducted by N.A. Rybnikov, A.M. Gelmont, V.N. Shulgin, and others in the second half of the 1920s. The survey methods of data collection included questionnaires on economic and political values. Several thousands of children from different regions of the Soviet Union were selected for the questionnaire sample. In the article, the pedological survey is analyzed as a historical source for the first time. The author provides a consistent analysis of the peasant children’s views on the changes in property relations, land laws, tax immunity, legal relationship (voting right, democratic norms of self-government), everyday life, children’s ideals. An important feature of the surveys was that they were conducted in connection with the 10th anniversary of the Soviet government and were perceived as a result of the development of the country and the education system. Polls about the political development of Russia revealed a good acquaintance of students with the Soviet ideological attitudes. They knew the political leaders of the country, called them as ideals (V.I. Lenin, N.K. Krupskaya, M.I. Kalinin, and others). The schoolchildren called the October revolution of 1917 as a starting point for a new stage of the country’s development; although they also noted that it was combined with the events of the February revolution. Studies of pedologists show the rural schoolchildren’s predominant interest in economic issues, especially those of land use. According to the rural schoolchildren, land as a result of the revolution became the property of the peasants. The revolution was also associated with the liberation of the peasants (the events converged with the abolition of serfdom). The author also describes the changes in the school practice of 1917–20s, which enabled transformations of children’s ideals and values. The author concludes that the peasant children, born in 1910–17, acquired new values, yet kept the basic peasants’ archetypes in their mind. The peasant children’s world view was based on the ‘Land and Liberty’ ideals. This combination of conceptions and values became a fundamental foundation for the Soviet people’s world view in the 1930s–1940s.

REFERENCES

1. USSR. (1959) Programma VKP (b) 1919 g. [The 1919 Program of the CPSU (b)]. In: *Vos'moy s'ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly* [Eighth Congress of the RCP (b). March 1919. Protocols]. Moscow: Gospolitizdat.
2. Gol'tsman, A. (1924) *Reorganizatsiya cheloveka* [Reorganization of man]. Moscow: Tsentral'nyy institut truda.
3. Gasteв, A. (1923) *Novaya kul'turnaya ustanovka* [New cultural orientation]. Moscow: Tsentral'nyy institut truda.
4. Kerzhentsev, P.M. (1921) *K novoy kul'ture* [To a new culture]. Peterburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
5. Krupskaya, N.K. (1987) *O kommunisticheskom vospitanii shkol'nikov* [On the communist upbringing of schoolchildren]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Lunacharskiy, A.V. (1925) *Zadachi prosveshcheniya v sisteme sovetskogo stroitel'stva. Doklad na I Vsesoyuznom uchitel'skom s'ezde* [The tasks of education in the system of Soviet construction. Report at the I All-Union Teachers' Congress]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
7. Krasovitskaya, T.Yu. (2002) *Rossiyskoe obrazovanie mezhdru reformatorstvom i revolyutsionarizmom. Fevral' 1917–1920 god* [Russian education between reformism and revolutionism. February 1917–1920]. Moscow: IRH RAS.
8. Izvestiya VtsIK. (1923) Ustav edinoy trudovoy shkoly [Charter of a unified labor school]. *Izvestiya VTsIK* (Moscow). 296. 28 fevralya.
9. Izvestiya VtsIK. (1918) Dekret VTsIK o Edinoy trudovoy shkole RSFSR [Decree of the Central Executive Committee on the Unified Labor School of the RSFSR] *Izvestiya VTsIK* (Moscow). 225. 16 October.
10. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat.
11. Gump, E. (1996) Obrazovanie i gramotnost' v glubine Rossii. Voronezhskaya guberniya 1885–1897 gg. [Education and literacy in the depths of Russia. Voronezh Province in 1885–97]. *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (19–20 vv.)* [Mentality and the agrarian development of Russia (19th–20th cc.)]. Proceedings of the International Conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 306–320. (In Russian).
12. Minaev, S. (ed.) (1932) *Narodnoe khozyaystvo SSSR: stat. spravochnik* [National economy of the USSR: Statistical directory]. Moscow; Leningrad: Ogiz - Gos. sots.-ekon. izd-vo.
13. Rakunov, V.A. (2011) Gosudarstvennaya politika v sfere shkol'nogo obrazovaniya v 1920–30-kh godakh [State policy in the field of school education in the 1920s–1930s]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 1 (January–February).
14. Lobov, A. et al. (1925) Novye programmy 1, 2, 3 i 4 godov obucheniya shkol 1 stupeni [New programs of 1, 2, 3 and 4 years of study of a primary school]. Velikiy Ustyug: Sovetskaya mysl'.
15. Pravda. (1936) Postanovlenie TsK VKP (b) “O pedologicheskikh izvrashcheniyakh v sisteme Narkomprosa” [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) “On pedagogical distortions in the system of the People's Commissariat of Education”]. *Pravda*. 5 July.
16. Golitsyn. (1913) Rezul'taty ankety o detskikh idealakh uchenikov vtoroy gruppy nachal'noy zemskoy sel'skoy shkoly Ryazanskoy gubernii [The results of the questionnaire about children's ideals among schoolchildren of the second group of elementary zemstvo rural school of Ryazan Province]. *Vestnik Ryazanskogo gubernskogo zemstva*. 7–8.
17. Shul'gin, V.N. (ed.) (1928) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya. Ideologiya sovetskogo shkol'nika* [Children and the October Revolution. The ideology of a Soviet schoolchild]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
18. Rybnikov, N.A. (1928) Ideologiya sovetskogo shkol'nika [The ideology of a Soviet schoolchild]. *Pedologiya*. 1.
19. Rybnikov, N.A. (1930) *Krest'yanskiy rebenok. Ocherki po pedologii krest'yanskogo rebenka* [A peasant child. Essays on the pedology of a peasant child]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
20. Rybnikov, N.A. (1928) Nasha rabota po izucheniyu ideologii sovremennogo shkol'nika [Our work on the study of the ideology of a modern schoolchild]. In: Shul'gin, V.N. (ed.) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Children and the October Revolution]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
21. Gel'mont, A.M. (1928) Sovetskaya vlast' i krest'yanstvo v predstavleniyakh detey [Soviet power and the peasantry in the views of children]. In: Shul'gin, V.N. (ed.) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Children and the October Revolution]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
22. Bernshteyn, S.M. (1928) Chto dala sovetskaya vlast' rabochemu klassu [What the Soviet power gave to the working class]. In: Shul'gin, V.N. (ed.) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Children and the October Revolution]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
23. Personal archive of N.A. Ryazheva, a teacher of the Sloboda school of Gryazovetsky District of Vologda Oblast. The spelling and punctuation follow the source. (In Russian).

Received: 01 November 2018